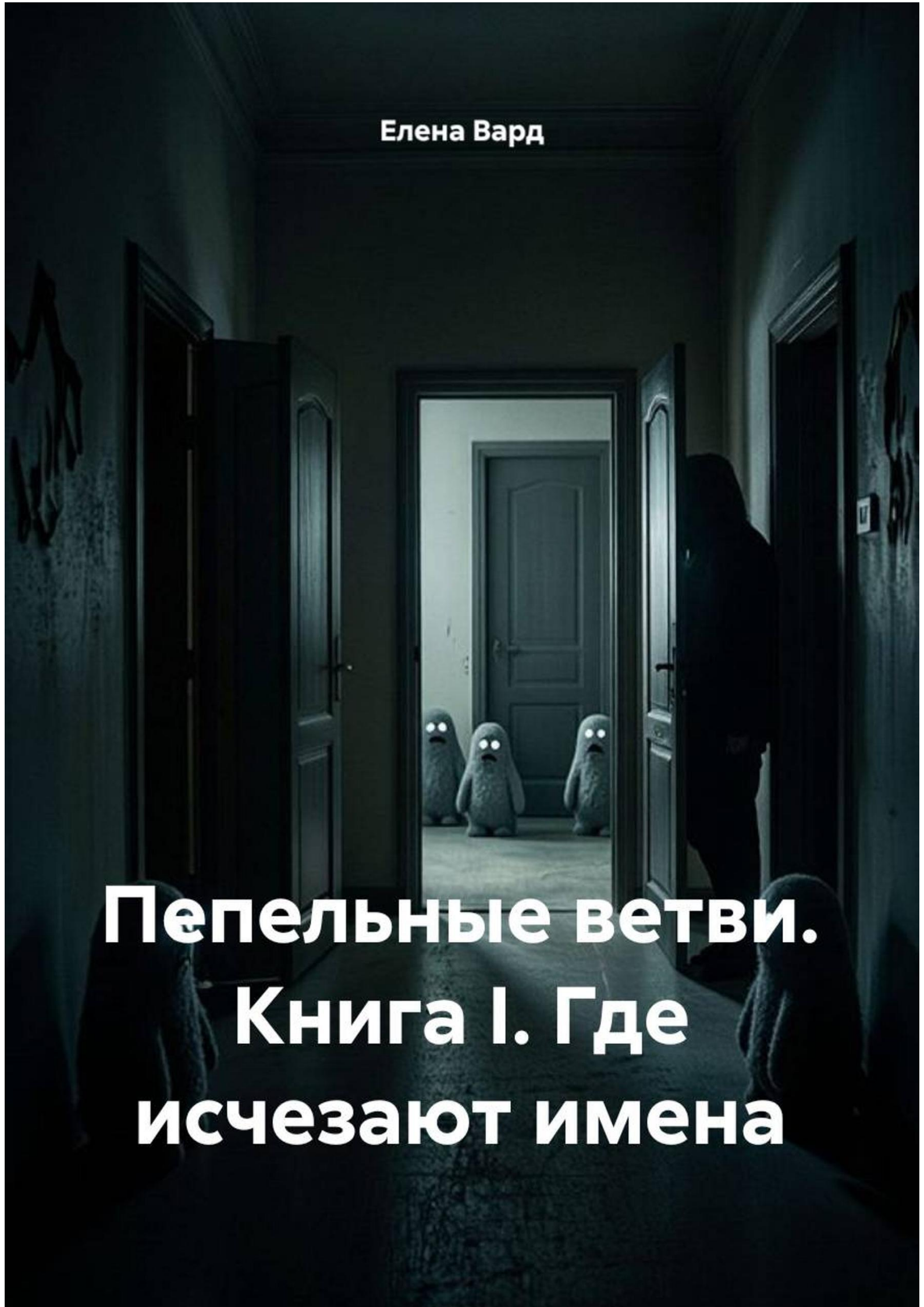

Елена Вард

**Пепельные ветви.
Книга I. Где
исчезают имена**

Елена Вард

**Пепельные ветви. Книга
I. Где исчезают имена**

«Автор»

2026

Вард Е.

Пепельные ветви. Книга I. Где исчезают имена / Е. Вард —
«Автор», 2026

В городе Лаэны исчезают имена, появляются двери, которых вчера не было, а некоторые люди годами продолжают ждать тех, кто обещал вернуться. Лаэна умеет разрушать эти застывшие места — петли. После каждого освобождения рядом с ней появляются странные серые существа, Пепелинки, а за ней самой начинает наблюдать нечто, не имеющее лица. Чтобы понять, почему город выбрал именно её, Лаэне придётся вернуться туда, куда она не хотела возвращаться двадцать семь лет, и узнать неприятную правду: иногда закрытая дверь не скрывает тайны. Иногда её просто заперли изнутри.

© Вард Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Вард

Пепельные ветви. Книга

I. Где исчезают имена

Глава

ПЕПЕЛЬНЫЕ ВЕТВИ

КНИГА I

Где исчезают имена

В городе Лаэны исчезают имена, появляются двери, которых вчера не было, а некоторые люди годами продолжают ждать тех, кто обещал вернуться.

Лаэна умеет разрушать эти застывшие места — петли. После каждого освобождения рядом с ней появляются странные серые существа, Пепелинки, а за ней самой начинает наблюдать нечто, не имеющее лица.

Чтобы понять, почему город выбрал именно её, Лаэне придётся вернуться туда, куда она не хотела возвращаться двадцать семь лет, и узнать неприятную правду: иногда закрытая дверь не скрывает тайны. Иногда её просто заперли изнутри.

Глава 1

Где исчезают имена

Утро в этом городе начиналось не с рассвета, а с тишины, которая постепенно отступала перед первыми бытовыми звуками. Где-то за домами запускался двигатель, в одном из дворов хлопала подъездная дверь, на верхнем этаже открывали окно, и деревянная рама глухо стукнула об откос. Свет приходил позже, медленно проступая сквозь серый воздух и возвращая улицам привычные очертания: крыши, балконы с ржавыми перилами, спутанные провода между домами, мокрые после ночи тротуары.

Фонари продолжали гореть. Их жёлтый свет давно уже не был нужен, однако ни один не погас; они стояли вдоль улицы на одинаковом расстоянии друг от друга и освещали наступившее утро с той же ровной настойчивостью, с какой несколько часов назад освещали ночь.

Лаэна насчитала семь, прежде чем заметила, что снова считает. Она делала это часто, особенно когда не знала, куда именно идёт. Подходило всё, что можно было выстроить в последовательность: шаги, окна, ступени, фонари, трещины в асфальте. У чисел было одно полезное качество — они не менялись, пока на них не смотришь.

На восьмом фонаре она сбилась, потому что над входом в пекарню исчезло название.

Лаэна остановилась посреди тротуара, чувствуя, как внутри ещё движется привычный счёт, хотя сама она уже не шла. Металлическая рама над дверью была на месте — потемневшая от дождей, с тонкими полосами ржавчины возле креплений, — а вывески не было. Ни сорванного кронштейна, ни оборванного провода подсветки, ни более светлого прямоугольника на стене, который остаётся после снятой таблички. Кирпич выглядел одинаково старым по всей поверхности, хотя ещё вчера название было там.

Она помнила не буквы, а сам факт их существования. Память привычно искала слово, которое должно было находиться между двумя металлическими краями, и натыкалась на гладкую пустоту, где не оставалось даже первого звука, за который можно было бы зацепиться.

Лаэна задержалась перед дверью, пока мимо неё не прошёл мужчина с газетой под мышкой. Он даже не поднял голову на пустую раму, а за стеклом пекарни тем временем двигалась хозяйка.

От одного взгляда внутрь уже становилось теплее. За прилавком горели жёлтые лампы, на деревянных полках темнели буханки, а стекло возле печи слегка запотело. Когда дверь открылась перед выходящим покупателем, на улицу вырвался запах свежего хлеба — густой, горячий, с хрустящей горечью подпечённой корки и мягкой сладостью тёплого мякиша. К нему примешивались дрожжи, мука и едва заметное сливочное тепло выпечки, и Лаэна невольно вдохнула глубже. Этот запах был слишком человеческим для города, и на секунду захотелось просто зайти внутрь, задержаться там дольше обычного, пока одежда не пропитается хлебным теплом, а холод с улицы окончательно не уйдёт из пальцев.

Она толкнула дверь, и над головой тихо звякнул колокольчик. Воздух внутри сразу обволок лицо; пекарня пахла сильнее, чем снаружи: только что вынутыми из печи буханками, горячей коркой, которая трескается под ножом, тёплой мукой и сладковатым тестом. Где-то за перегородкой открыли печь, короткая волна жара прошла по помещению и заставила Лаэну на мгновение прикрыть глаза.

За прилавком хозяйка уже доставала с полки хлеб. Лаэна видела её почти каждое утро: женщина была невысокой, плотной, с быстрыми руками и привычкой убирать выбившуюся прядь запястьем, чтобы не пачкать волосы мукой. Сегодня на левой щеке осталось белое пятнышко, на тёмном фартуке — отпечатки ладоней, а пальцы слегка покраснели от жара.

— Вам как обычно?

— Да.

Хозяйка положила буханку на лист коричневой бумаги и завернула её двумя точными движениями. Корка тихо потрескивала под ладонью, выпуская ещё больше запаха, и Лаэна поймала себя на том, что следит не за руками женщины, а за паром, который едва заметно поднимался от хлеба.

— Сегодня удачный, — сказала хозяйка. — Не пересушила.

В голосе слышалась довольная усталость человека, который работал ещё до рассвета и теперь имел право гордиться одной хорошо получившейся буханкой. Лаэна провела пальцами по краю прилавка, где дерево было гладким от множества ладоней и чуть тёплым возле витрины.

— До дома не доживёт.

Женщина рассмеялась.

— Поэтому я вам и заворачиваю.

Она протянула свёрток, и их пальцы на секунду соприкоснулись. После холодной улицы человеческое тепло ощущалось почти болезненно ясно — горячая кожа, шероховатость муки на подушечках пальцев, быстрый живой пульс. Лаэна задержала руку чуть дольше, чем требовалось, но хозяйка этого либо не заметила, либо сделала вид, что не заметила.

— До завтра, — сказала она.

Лаэна уже повернулась к двери, когда услышала за спиной:

— Только завтра меня здесь не будет.

Она остановилась не сразу. Фраза была произнесена буднично, почти весело, тем же тоном, каким минуту назад женщина говорила о хлебе, и только через пару шагов смысл догнал интонацию.

Лаэна обернулась.

— Почему?

Хозяйка нахмурилась — не испуганно, скорее так хмурятся, когда простой вопрос неожиданно требует ответа, которого нет.

— Не знаю.

Улыбка ещё оставалась на её лице, но теперь выглядела лишней. Несколько секунд они смотрели друг на друга, пока из кухни снова не звякнул металл, и женщина резко повернула голову на звук, на мгновение потеряв выражение лица.

Потом она быстро отвернулась к полкам.

— Да нет, ерунда какая-то. Приходите.

Она уже брала следующую буханку, и Лаэна не стала спрашивать больше.

На улице хлеб продолжал греть ладонь через бумагу. Она прошла мимо двух домов, затем ещё одного, снова попыталась вернуть счёт и обнаружила, что не знает, с какого числа продолжать. Это раздражало сильнее, чем должно было, и ещё через несколько шагов она поняла причину.

Она не знала имени женщины.

Лаэна остановилась у края тротуара, пока рядом медленно проезжала машина. Мотор урчал, колёса шуршали по мокрому асфальту, а у неё в памяти оставались лицо хозяйки, белое пятно муки на щеке, быстрые руки, красные от печи пальцы и даже интонация, с которой она сказала про удачный хлеб. Имени не было.

Обычное забывание ощущается иначе. Забытое слово остаётся где-то рядом, раздражает, цепляется отдельными звуками, иногда всплывает спустя несколько минут без всякой помощи. Здесь ничего не всплывало, и чем дольше Лаэна пыталась вспомнить, тем отчётливее становилась не забытая часть памяти, а место, где чего-то не было.

Она посмотрела на бумажный свёрток. На нём был круглый штамп пекарни: рисунок колоса по центру, тонкий орнамент по краю и пустое место там, где должно было находиться название.

Лаэна провела пальцем по бумаге. Краска не была стёрта, край рисунка оставался ровным, ни одного смазанного участка не было.

Пустота была напечатана вместе со всем остальным.

Холод, который до этого держался только под плащом, теперь медленно поднялся вдоль позвоночника и собрал кожу между лопатками. Лаэна повернулась к пекарне, сильнее сжав тёплый свёрток в руках.

За стеклом хозяйка обслуживала мужчину в рабочей куртке. Он что-то рассказывал, размахивая рукой, женщина смеялась, складывала хлеб в пакет, поправляла волосы запястьем. Всё выглядело настолько обычным, что на секунду Лаэне стало неловко за собственное напряжение.

Потом мужчина протянул деньги и сказал:

— Спасибо вам.

Не по имени.

Следом к прилавку подошла пожилая женщина.

— Мне тот, который я вчера брала.

Хозяйка достала нужную буханку без вопроса. Женщина кивнула ей с той лёгкостью, которая бывает только между людьми, давно привыкшими друг к другу, но имени тоже не произнесла.

Лаэна оставалась у стекла, пока не почувствовала, что хлеб в руках начал остывать. Внутри пекарни кто-то передвинул металлический противень, дверь на кухню распахнулась и снова закрылась, по стеклу коротко пробежал свет от проезжающей машины, а привычная утренняя жизнь продолжала складываться вокруг отсутствующего слова, не замечая его отсутствия.

На внутренней стороне витрины появилась полоска пара. Сначала тонкая, затем шире, она медленно вытянулась вниз, точно по запотевшему стеклу провели ладонью, хотя хозяйка находилась в нескольких метрах от окна, а других людей рядом не было.

Полоса остановилась на уровне лица Лаэны.

Она не отступила, только плотнее прижала хлеб локтем к боку. Несколько секунд ничего не происходило, затем на запотевшем стекле проявился ещё один след — короткий, вертикальный, слишком ровный для случайной капли.

Лаэна смотрела на него, пытаясь понять, откуда он взялся, и только когда чуть повернула голову, заметила собственное отражение. Тёмный плащ, капюшон, бледное лицо — и пустая улица за спиной.

Она уже собиралась отойти, когда отражение моргнуло.

Лаэна — нет.

Удар сердца получился таким сильным, что отдался болью под рёбрами, а пальцы сами впились в бумагу на свёртке. Она резко обернулась, но за спиной не было никого: только мокрый тротуар, ряд всё ещё горящих фонарей и мужчина на другой стороне улицы, который возился с замком велосипеда.

Когда Лаэна снова посмотрела на стекло, отражение повторяло каждое движение точно. Хозяйка в пекарне продолжала работать, люди проходили мимо, колокольчик над дверью снова звякнул, впуская следующего покупателя, и только фонари всё ещё горели, хотя утро давно наступило.

Лаэна прижала хлеб к груди и заставила правую руку, сжавшуюся под плащом, медленно разжаться. Она уже видела, как город начинает меняться: сначала исчезает то, чему никто не придаёт значения, потом люди перестают замечать, что чего-то не хватает.

Лаэна посмотрела на пустую раму над пекарней. На этот раз ей не понадобилось считать, чтобы продолжить путь.

Глава 2

Коридор

Через два квартала хлеб окончательно перестал греть ладонь, хотя под согнутыми краями бумаги ещё сохранялся запах. Лаэна время от времени чувствовала его, когда ветер прижимал свёрток к плащу, и перед глазами снова возникала женщина за прилавком: красные от печи пальцы, белое пятнышко на щеке, улыбка, задержавшаяся на лице после странной фразы.

Город между тем окончательно просыпался. В окнах появлялся свет, за углом тяжело заворчал двигатель, откуда-то сверху донёсся стук посуды. Утренняя обыденность понемногу отодвигала случившееся в пекарни, возвращая вещам привычные размеры и значения, пока Лаэна не подняла голову и не увидела стену.

Она знала это место и поэтому не сразу поверила тому, что видит. Тёмно-серый кирпич тянулся вдоль старого дома, возле водосточной трубы зеленел влажный лишайник, внизу штукатурка давно осыпалась и оставила неровное пятно кладки, которое Лаэна помнила ещё со вчерашнего дня. Только теперь в середине стены находился узкий коридор, уходивший внутрь здания туда, где никакого пространства для него не существовало.

Края проёма не были разбиты, возле них не лежала кирпичная крошка, и даже лишайник продолжался по внутренней стороне кладки, успев разрастись там теми же влажными зелёными пятнами, что и снаружи. Если бы Лаэна увидела этот дом впервые, она могла бы решить, что проход был здесь всегда, однако память слишком отчётливо сохраняла вчерашнюю стену — глухую, цельную, испачканную дождевыми потёками.

Она задержалась напротив входа, прижимая хлеб к боку. Сколько бы Лаэна ни всматривалась, конец прохода не становился понятнее: утренний свет проникал внутрь лишь на

несколько метров, цеплялся за кирпич и пол, а дальше постепенно переставал что-либо различать, оставляя ровную глубину без углов и очертаний.

С улицы туда попадали голоса, шум мотора, скрип открывшейся форточки, но каждый звук быстро слабел и исчезал, не успевая вернуться эхом. Из самого коридора тянуло сыростью старого жилья — размокшей штукатуркой, пылью, давно высохшей краской и горьковатым лекарственным запахом, который оседал на языке и неприятно стягивал его у корня.

Тело узнало петлю раньше, чем Лаэна успела назвать её про себя. Под плащом напряглась правая рука, пальцы сами согнулись, а дыхание стало мельче: глубокого вдоха не хотелось, поскольку лекарственная горечь уже чувствовалась во рту сильнее, чем должна была с такого расстояния.

Можно было пройти мимо. Город никогда не хватал её за одежду и не заталкивал внутрь, оставляя достаточно места для решения, а потом — для удобной лжи самой себе, что никакого проёма в стене она не видела.

Лаэна посмотрела дальше по улице. Женщина тащила за руку сонного ребёнка, мужчина возле припаркованной машины с раздражением скрёб стекло, за одним из окон кто-то поливал цветы и время от времени стряхивал воду с листьев на подоконник. Ничто вокруг не требовало от неё лезть в коридор.

Она поправила смявшуюся бумагу на хлебе и вошла.

Первые шаги ничем не отличались от обычной прогулки по сырому двору. Под ногами оставался влажный асфальт, из-за спины доносились голоса, и Лаэна ещё чувствовала движение воздуха на лице. Потом шероховатость под подошвами исчезла, и только следующий шаг отозвался глухим скрипом, заставив её посмотреть вниз: вместо асфальта под ногами лежали потемневшие деревянные доски.

Самого перехода она не почувствовала. Улица по-прежнему была видна за спиной, люди двигались мимо проёма, однако никто не заглядывал внутрь; та самая женщина с ребёнком прошла настолько близко, что должна была увидеть Лаэну, но только перехватила ладонь мальчика поудобнее и продолжила путь.

Когда глаза привыкли к сумраку, стали различимы стены. Верхний серый слой краски вздулся и отслоился широкими ломкими пластами, под ним проступал бледно-зелёный, ещё глубже — грязно-жёлтый с коричневыми потёками. Возле самого пола сохранился голубой, удивительно чистый по сравнению с остальными, и на нём почти не было следов сырости.

Кто-то много раз перекрашивал это место, накладывая один цвет поверх другого, но прежние слои всё равно выходили наружу. Лаэна коснулась голубого участка кончиками пальцев, и краска легко осыпалась сухой крошкой, открыв молочно-белую поверхность под ней.

Она уже собиралась убрать руку, когда стена чуть подалась под пальцами.

Не продавилась и не осыпалась — именно уступила прикосновению на несколько миллиметров, а затем медленно вернулась на место. Под сухой краской чувствовалась мягкая упругость, слишком знакомая по сопротивлению живой кожи, и Лаэна отняла руку раньше, чем успела проверить ощущение ещё раз. На подушечках осталась голубая пыль.

Дальше она пошла, не касаясь стен.

В конце коридора находилась единственная дверь, выкрашенная коричневой эмалью. Вблизи стали видны мелкие пузыри на краске, почти почерневшая латунная ручка и глубокие царапины вокруг замочной скважины. Кто-то много раз пытался попасть ключом в замок дрожащей или торопящейся рукой: некоторые следы начинались далеко от отверстия и тянулись к нему неровными дорожками, другие обрывались у самого края.

Лаэна взялась за ручку и сразу сильнее сжала пальцы. Металл оказался тёплым — не нагретым солнцем или батареей, а сохраняющим мягкое человеческое тепло, которое обычно остаётся на дверной ручке совсем недолго после чужой ладони.

Она прислушалась. За дверью ничего не двигалось, не скрипел пол, не слышалось дыхания или шороха одежды, однако тепло никуда не исчезало.

Дверь поддалась почти без усилия и выпустила протяжный скрип старых петель. За ней открылась небольшая комната, которая первые несколько мгновений выглядела настолько обыкновенной, что напряжение в плечах немного ослабло.

Возле окна стоял стол с выцветшей клеёнкой в крупных красных цветах, рядом — деревянный стул, у стены — низкий шкаф, а на подоконнике помещался старый ламповый радиоприёмник. Здесь легко было представить человека, который утром поставил чайник, включил радио и ненадолго вышел, забыв закрыть дверь.

Только свет в комнате не мог находиться там, где находился.

За матовым стеклом не просматривалось ни неба, ни двора, ни соседнего дома, однако ровное серое освещение заполняло пространство от стены до стены. У него не было направления: стол, ножки стула и шкаф не отбрасывали теней, края предметов оставались одинаково видимыми со всех сторон.

Лаэна посмотрела себе под ноги и медленно переставила одну ногу в сторону. Тень не появилась даже слабым пятном, пол оставался одинаково серым и возле ботинка, и дальше, там, куда свет из окна при обычных условиях уже не мог бы попадать.

Радио на подоконнике тихо шипело. Деревянный корпус потемнел от времени, ткань над динамиком покрылась пятнами, а маленький зелёный глазок настройки оставался тёмным, хотя приёмник явно работал. В помехах не появлялось ни музыки, ни чужих голосов; звук держался на одной ноте, понемногу вплетаясь в тишину комнаты, пока Лаэна не поймала себя на том, что перестала понимать, слышит его снаружи или уже просто ждёт следующего шороха внутри головы.

На столе стояла кружка. Белая керамика пожелтела от времени, ручка была отбита, по краю скола тянулась тонкая коричневая полоска, а внутри почти до середины было налито молоко.

После пекарни Лаэна слишком хорошо помнила, как пахнет настоящая еда. Хлеб в бумаге всё ещё отдавал дрожжами и коркой, от старого шкафа тянуло сыростью, от клеёнки — пылью и чем-то маслянистым, даже её плащ принёс с улицы запах мокрого камня. Молоко не пахло ничем.

Она подошла ближе и наклонилась над кружкой. Память сама подсказывала сладковатый запах тёплого молока, жирность на губах, тонкую плёнку, которая появляется на поверхности, если оставить его остывать, но перед ней находилась только белизна без запаха и без признаков того, что когда-то соприкасалась с воздухом.

Поверхность сохраняла абсолютную неподвижность. Ни пузырька по краю, ни соринки, ни слабой ряби от шагов. Чем дальше Лаэна смотрела, тем сильнее хотелось найти хотя бы один изъян, способный доказать, что перед ней действительно жидкость, а не аккуратно помещённый в кружку кусок белого пространства.

Она приблизила пальцы к керамике и ещё до прикосновения почувствовала тепло. Оно держалось ровным слоем вокруг кружки, почти телесное по температуре, и память немедленно вернула другое прикосновение — красные от печи пальцы женщины из пекарни.

Лаэна убрала руку.

Радио щёлкнуло, и сквозь помехи прозвучали три высокие ноты — чистые и слишком ясные для старого динамика. Последняя стихла, шипение вернулось, но теперь внутри него появился ритм: звук медленно усиливался, задерживался на мгновение, затем слабел и через несколько секунд начинал расти снова.

Лаэна прислушалась, а потом посмотрела на ткань динамика. При каждом усилении помех она чуть выпячивалась наружу, при спаде втягивалась обратно; движение было

настолько небольшим, что его легко можно было принять за вибрацию, если бы паузы между ними не оставались одинаковыми.

Приёмник дышал.

У окна тяжёлая от пыли занавеска едва заметно приподнялась снизу и через секунду опала. Рама под ней была наглухо покрашена несколькими слоями белой краски, щелей между створками почти не осталось, однако спустя несколько мгновений ткань снова двинулась — на этот раз не от окна, а к стеклу, плотно прилегла к нему и медленно освободилась.

По молоку прошёл первый круг.

Лаэна перевела взгляд на кружку. Кольцо достигло края и исчезло, следом возникло второе, хотя стол оставался неподвижным. Радио набирало и выпускало воздух, занавеска двигалась в том же ритме, а поверхность молока отзывалась на каждый такой вдох всё более заметной рябью.

Комната больше не была набором неправильных предметов. Всё в ней оказалось связано одним движением.

Лаэна почувствовала знакомую тяжесть в правой руке и освободила её из-под плаща. В сером свете обугленная кожа выглядела почти чёрной; старые рубцы стягивали кисть и предплечье до локтя, между ними проходили глубокие неровные линии, которые при движении пальцев становились светлее.

Она редко рассматривала эту руку дольше необходимого и сейчас тоже не задержалась. Пальцы распрямились с лёгким сопротивлением рубцов, затем Лаэна подняла ладонь к комнате.

Первым изменилось молоко.

От края к центру по белой поверхности прошла тонкая тёмная линия, за ней появилась ещё одна, пересекала первую и разделилась надвое. Трещины множились, расходясь по жидкости ломкой сеткой, однако молоко не становилось твёрдым: края линий слегка колебались вместе с поверхностью, продолжая вести себя как часть жидкости.

Радио захлебнулось помехами. Ткань над динамиком резко втянулась внутрь и больше не вернулась на место, занавеску притянуло к стеклу всем полотном, а свет начал меняться не по яркости, а по способности удерживать предметы: стол, стены и шкаф побледнели, их края потеряли чёткость, через дерево проступили пятна клеёнки и серый пол.

Треск оказался очень тихим — короткий звук тонкого стекла, после которого прежнюю форму уже невозможно вернуть. Дрожь прошла по полу и поднялась по ногам Лаэны; радио замолчало, а кружка стала прозрачной настолько, что сквозь неё проступили красные цветы клеёнки.

Потом исчез стол. Не провалился и не рассыпался, просто перестал заслонять пространство за собой, оставив на мгновение зависшую в воздухе кружку, прежде чем та тоже истончилась и пропала.

Последним держалось окно. Занавеска вытянулась в сторону Лаэны, сохраняя форму без стены и карниза, несколько секунд продолжала двигаться в прежнем дыхательном ритме, а затем серый свет погас вместе с ней.

В лицо ударил холодный ветер, пахнувший сухой травой, влажной землёй и железом.

Лаэна зажмурилась всего на секунду, пока глаза перестраивались после ровного комнатного света. Теперь вокруг стояла высокая трава, местами доходившая почти до пояса, вдалеке ржавел остов качелей без сиденья, среди бурьяна лежала проржавевшая бочка, а дальше виднелось старое кресло с распоротой обивкой и почерневшими от дождя пружинами.

После комнаты воздух пустыря хотелось втянуть глубже. В нём были горечь сухих стеблей, мокрая земля, ржавое железо и далёкий дым; холод двигался вместе с ветром и касался только одной стороны лица, как ему и полагалось, а трава отвечала каждому порыву понятным шорохом.

Лаэна опустила обугленную руку и только тогда вспомнила о второй. Хлеб всё ещё оставался с ней: бумага смялась и намокла от ладони, один угол надорвался, но свёрток каким-то образом прошёл через петлю вместе с ней.

У носка ботинка что-то шевельнулось.

Лаэна опустила взгляд. Сначала она приняла увиденное за клочок сухой травы или пепла, который ветер сбил в рыхлый комок и зацепил между стеблями, однако ветер гнал всё вокруг в одну сторону, а серый комок осторожно двинулся поперёк его движения.

Он добрался до тени от её плаща и замер.

Размером существо было примерно с детский кулак, неровное, чуть приплюснутое, покрытое тонкими серыми волокнами, между которыми проглядывали более тёмные слои. Заметных лап Лаэна не увидела, привычной морды тоже не было, зато среди серой массы обнаружились два маленьких чёрных глаза — близко посаженные, блестящие и совершенно неподвижные.

Они следили за ней.

Лаэна слегка качнула носком ботинка в сторону. Существо тут же сжалось, уменьшившись почти вдвое, и несколько серых волокон поднялись над поверхностью мелкой дрожью. Через пару секунд один глаз снова показался между складками, затем второй.

— Ну?

Комок не ответил, но осторожно вытянулся обратно.

Лаэна присела, положила хлеб на колено и протянула здоровую руку ладонью вверх. Серое существо снова собралось в плотный шар, однако на этот раз не спрятало глаза; несколько секунд оно разглядывало пальцы, потом медленно приблизилось и коснулось края ладони.

На ощупь оно оказалось тёплым.

Лаэна ожидала сухой пыли или холодной рыхлости золы, но под тонкими волокнами чувствовалось мягкое упругое тело и слабое внутреннее движение. Серые края цеплялись за кожу почти невесомо, оставляя на пальцах едва заметный тёмный след.

Она провела пальцем по верхней части маленького тела. Существо сначала застыло, затем прикрыло глаза и осторожно подалось навстречу прикосновению. Когда Лаэна перестала гладить, один глаз открылся.

Потом второй.

Существо придвинулось ещё на сантиметр и упрямо ткнулось в палец.

Уголок рта у Лаэны дрогнул.

— Наглое.

Серый комок снова подставился под руку.

Теперь Лаэна заметила, что он не просто меняет форму. Когда существо тянулось вперёд, волокна на переднем крае собирались плотнее и цеплялись за кожу, а задняя часть подтягивалась следом; получалось неловко, немного смешно и вполне уверенно для создания, чьё устройство она пока вообще не понимала.

Она вспомнила о хлебе и развернула бумагу.

Изменение было мгновенным. Пепелинка — другого названия Лаэна для неё не нашла — замерла, поднявшись на ладони чуть выше, и перевела глаза на буханку. Всё внимание, которое секунду назад принадлежало человеку, исчезло.

— А.

Пепелинка потянулась к хлебу.

Лаэна отломила маленький кусочек и положила его рядом с ней. Существо не бросилось сразу: сначала приблизилось, коснулось корки краем серых волокон, задержалось, а в следующее мгновение хлеба уже не было.

Лаэна посмотрела на пустую ладонь.

Потом на Пепелинку.

— Нет.

Чёрные глаза медленно переместились на буханку.

— Не смотри.

Пепелинка не шевельнулась. Только волокна на верхушке слегка приподнялись, а взгляд остался приклеен к хлебу с такой сосредоточенностью, что Лаэна несколько секунд выдерживала молча, затем вздохнула и отломилась ещё один кусочек.

— Последний.

На этот раз она следила внимательнее. Пепелинка приблизилась, накрыла корку краем тела, и кусочек снова исчез настолько быстро, что Лаэна успела заметить только короткое движение серых волокон внутрь.

После этого существо не потребовало ещё. Оно развернулось на её ладони, устроилось ближе к основанию большого пальца и тяжело обмякло, сохраняя вокруг себя маленькое живое тепло.

Лаэна осторожно поддела его пальцем.

— Всё?

Один глаз приоткрылся и снова закрылся.

— Ясно.

Она уже собиралась подняться, когда маленькое тело напряглось.

Изменение произошло так быстро, что сначала Лаэна решила, что сделала ему больно. Серые волокна приподнялись по всей поверхности, Пепелинка вытянулась и застыла, а тепло, ещё секунду назад мягко разливавшееся по ладони, собралось в плотный горячий комок.

Хлеб перестал её интересовать.

Лаэнины пальцы тоже.

Пепелинка смотрела ей за спину.

Лаэна не повернулась сразу. Сначала прислушалась, удерживая ладонь неподвижно, но пустыррь звучал совершенно обычно: ветер проходил через высокую траву, сухие верхушки тёрлись друг о друга, где-то далеко металлически скрипнул оставшийся без сиденья остов качелей. После комнаты с радио и молоком эта обычность почти успокаивала, потому что каждый звук имел понятный источник.

На ладони стало больно.

Пепелинка вцепилась в кожу всем телом. Лаэна не понимала, чем именно она держится, однако мягкие края неожиданно оказались цепкими, и от этого маленького судорожного усилия улыбка исчезла сама.

Она проследила за её взглядом.

Там, где несколько минут назад закончилась петля, не было ни стены, ни коридора, ни дома. Пустыррь тянулся до старых гаражей, за которыми поднимались крыши совсем другого района. Петля снова выбросила Лаэну не там, где впустила; она давно перестала искать в этих перемещениях понятную географию, хотя каждый раз первые несколько секунд всё равно пыталась представить, сколько улиц осталось между ней и местом входа.

Ветер шёл справа налево, и высокая трава послушно клонилась вслед за ним.

Почти вся.

Далеко позади один стебель медленно пригнулся в противоположную сторону. Следом лёг соседний, затем ещё два, причём происходило это не одновременно и не рывком: движение шло по земле узкой полосой, переходя от одного растения к другому.

Лаэна смотрела, ожидая, что трава выпрямится.

Она не выпрямилась.

Следующая полоса легла против ветра чуть ближе, потом поднялась позади и оставила после себя обычные колеблющиеся верхушки. Через несколько секунд движение повторилось

ещё ближе, сохраняя ту же неторопливую последовательность, и теперь его уже трудно было принять за случайный порыв или небольшого зверя, пробирающегося у самой земли.

Пепелинка издала очень тихий звук.

Он совсем не походил на прежнее требование хлеба. Короткий, сдавленный, почти втянутый внутрь, звук оборвался сразу, а маленькое тело прижалось к ладони так плотно, что глаза на мгновение скрылись между серыми волокнами.

Следующая полоса травы пригнулась.

Лаэна осторожно поднялась, не выпуская Пепелинку, и завернула хлеб. Желание дожидаться и увидеть, что именно движется через пустырь, ещё оставалось; оно продержалось ровно до того момента, когда серое существо попыталось протиснуться между её пальцами и спрятать голову.

— Ладно.

Лаэна устроила Пепелинку под полой плаща, оставив небольшой просвет возле воротника. Та сразу забралась глубже, вцепилась в ткань, но через мгновение осторожно высунула верхнюю часть тела обратно.

Глаза по-прежнему смотрели назад.

Лаэна пошла в сторону гаражей. Сухие стебли задевали плащ и царапали сапоги, ветер бил справа, а спрятанная под тканью Пепелинка оставалась напряжённой и горячей.

Через несколько шагов позади снова прошёл тот же неправильный шорох. Он не стал быстрее и не приблизился рывком, просто возник там, где секунду назад трава двигалась только по ветру.

Лаэна не обернулась.

Пепелинка обернулась за неё.

Глава 3

Первая

Пустырь кончился не сразу. Сухая трава постепенно стала ниже, между стеблями появились участки голой земли, затем под ногами затвердел потрескавшийся асфальт, а за гаражами показались первые дома. Город возвращался частями: сначала крыши и провода, потом окна, припаркованные машины, урны у подъездов и наконец обычные утренние звуки, которые после комнаты с радио казались непривычно громкими.

Под плащом шевельнулась Пепелинка. Лаэна опустила взгляд и увидела возле воротника два маленьких чёрных глаза; серое тело почти целиком оставалось спрятано в складках ткани, но голова была повернута назад, хотя пустырь давно скрылся за гаражами.

— Хватит уже, — пробормотала Лаэна.

Пепелинка посмотрела на неё, задержалась на секунду и снова повернулась в сторону пустыря.

— Вот и я о том же.

Возле первого дома маленькое существо наконец выбралось наружу. Оно зацепилось серыми волокнами за край плаща, спустилось по складкам до колена, какое-то время висело там, выбирая расстояние до земли, а потом отпустило ткань и мягко шлёпнулось на асфальт.

Несколько секунд Пепелинка сидела неподвижно, проверяя новое место, затем двинулась рядом. Теперь Лаэна лучше видела, как она перемещается: передняя часть тела вытягивалась вперёд, тонкие волокна цеплялись за шероховатый асфальт, после чего остальная масса быстро подтягивалась следом. Получалось немного неровно, поэтому время от времени существо заваливалось на бок, выправлялось и продолжало путь с прежней уверенностью.

Через несколько метров Пепелинка коснулась ботинка Лаэны, затем ещё раз. После третьего такого прикосновения стало понятно, что случайностью здесь и не пахнет, и Лаэна перестала отодвигать ногу.

На углу, возле водосточной трубы, её спутница неожиданно остановилась. Серые волокна на переднем крае приподнялись, а взгляд переместился к решётке стока, из темноты под которой смотрели ещё два маленьких глаза.

Что-то серое сидело глубоко между влажным бетоном, старыми листьями и комками грязи, почти не отличаясь от мусора вокруг. Первая — так Лаэна уже начала называть найденную на пустыре Пепелинку про себя — приблизилась к решётке и издала короткий вопросительный звук.

Из стока ответили.

Второе существо долго не решалось выбраться. Сначала между прутьями показалась только часть серого тела, потом она исчезла обратно, снова появилась и замерла, пока Первая терпеливо ждала снаружи. Наконец Пепелинка протиснулась между металлическими прутьями, повисла на самом краю и неудачно отпустила опору.

Она свалилась на асфальт, перекувырнулась через бок и осталась лежать.

Первая приблизилась и ткнула её краем тела.

Новая Пепелинка медленно распрямилась.

Лаэна вздохнула.

— Ещё одна.

Обе подняли на неё глаза.

— Прекрасно.

Третью они обнаружили возле мусорного бака. Та была крупнее первых двух и не попыталась ни спрятаться, ни приблизиться сразу; она сидела возле бетонного основания, наблюдая за компанией с таким вниманием, что Лаэне самой пришлось остановиться.

На боку у Пепелинки выделялось светлое пятно. Сначала оно показалось прилипшим клочком бумаги, но при движении серых волокон светлый участок сместился вместе с ними, оставаясь частью тела.

Первая без колебаний направилась знакомиться. Маленькая из водостока осталась возле ботинка Лаэны и только вытянулась в сторону незнакомки, а пятнистая дождалась, пока Первая приблизится почти вплотную, после чего осторожно коснулась её краем тела.

Через несколько минут их стало трое.

И все трое, судя по происходящему, решили, что дальнейшее устройство их жизни относится исключительно к Лаэне.

Маленькая из водостока держалась рядом с Первой, пятнистая предпочитала расстояние в полшага и постоянно останавливалась, чтобы осмотреться, а сама Первая уже нашла шнурок на ботинке и проверяла, подходит ли он для подъёма.

Первая попытка закончилась падением. Пепелинка мягко ударилась об асфальт, несколько мгновений полежала, после чего снова ухватила за шнурок и полезла вверх. На этот раз она добралась до щиколотки и повисла там, плотно вцепившись серыми волокнами в грубую ткань.

— Ну куда.

Пепелинка подтянулась ещё выше.

Лаэна сняла её с ботинка и подставила ладонь. Первая немедленно устроилась между пальцами, расправившись там с удовлетворением существа, которое именно этого и добивалось.

Две остальные придвинулись ближе.

— Нет. Троих не понесу.

Маленькая из водостока подняла переднюю часть тела. Пятнистая посмотрела сначала на неё, потом на Лаэну и сделала один осторожный шаг вперёд.

— Не начинайте.

Они не начали.

Просто остались сидеть и смотреть.

Лаэна выдержала несколько секунд, после чего сняла с пояса небольшой холщовый мешочек, вытряхнула на ладонь пару монет, старую пуговицу и сложенную вчетверо бумажку, рассовала всё по карманам и развязала тесёмки шире.

— Сами виноваты.

Маленькая из водостока забралась внутрь первой. Она некоторое время цеплялась за край, потом исчезла в мешочке целиком, и ткань сразу едва заметно задвигалась.

Пятнистая оказалась осторожнее. Она обошла мешочек с одной стороны, затем с другой, несколько раз коснулась края и только после этого начала перебираться внутрь, медленно переваливая серое тело через ткань. Лаэне пришлось придержать мешок ладонью, чтобы тот не опрокинулся.

— Полезай уже.

Пятнистая скрылась внутри.

Первая добралась до края последней, засунула внутрь переднюю половину тела и застряла. Несколько секунд задняя часть беспомощно висела снаружи, пока из мешочка не появилась пятнистая и не подтолкнула её снизу.

Лаэна хмыкнула.

— Хорошая команда.

Тесёмки она затянула не до конца, оставив сверху достаточно места для воздуха и любопытства. Последнее проявилось почти сразу: из отверстия показались два глаза, исчезли, сменились другими, затем наружу выбралась половина Первой.

Лаэна машинально заправила её обратно и только потом заметила, насколько будничным получилось движение.

Ещё утром у неё был хлеб.

Теперь к хлебу добавился мешок живого серого пепла.

Название пришло само.

— Пепелинки.

Возня внутри на мгновение прекратилась.

Потом из мешочка медленно появилась Первая и ткнулась в её палец.

— Значит, договорились.

Она пошла дальше, чувствуя у бедра непривычное тепло и редкое шевеление ткани. Маленькая из водостока предпочитала сидеть глубже и только изредка показывала глаза, пятнистая чаще держалась возле края, а Первая постоянно пыталась выяснить, не изменились ли правила и нельзя ли всё-таки ехать наружу.

Возле одного из фонарей асфальт пересекала свежая трещина. Из неё торчали два бледных листа, слишком тонких для окружающей жёсткой травы. Лаэна задержала на них взгляд всего на секунду и пошла дальше; после петель город время от времени оставлял вещи там, где им полагалось погибнуть, а потом почему-то позволял им жить.

В мешочке прекратилась возня.

Лаэна положила ладонь поверх ткани.

— Всё уже.

Никто не ответил.

За несколькими дворами начинался старый ряд гаражей. Здесь дома отступали, шум улицы становился глуше, а между бетонными коробками и глухой стеной пятиэтажки тянулся узкий проход, куда солнце попадало ненадолго и только в середине дня. В трещинах асфальта росла жёсткая сорная трава, возле стен лежали размокшие коробки и битый кирпич, ржавые ворота местами вспухли так сильно, что металл отходил тонкими ломкими пластинами.

Лаэна знала, кто сидит дальше.

Она приходила сюда не впервые, и всё же каждый раз возле первого гаража начинала идти медленнее. Тело помнило это место раньше, чем в проходе становилась видна маленькая фигура: сырой запах старой одежды, холод металла под пальцами и детский крик, который в прошлый раз долго не выходил из головы даже после возвращения домой.

Пепелинки почувствовали перемену тоже.

Возня в мешочке прекратилась полностью. Маленькая из водостока ушла куда-то на дно, пятнистая показалась возле тесёмок и застыла, а Первая выбралась наружу, перебралась на ладонь Лаэны и осталась там, не пытаясь спуститься.

— Сиди.

Лаэна прикрыла её пальцами и пошла дальше.

Чем глубже она входила между гаражами, тем меньше города оставалось вокруг. Шум машин ещё доносился из-за домов, но сюда приходил уже мягким неразборчивым гулом, а рядом звучали только редкие капли из проржавевшего водостока, шелест полиэтилена на проволоке и тихое потрескивание металла, нагревающегося под бледным утренним солнцем.

Запах появился возле ржавого бака: мокрый картон, старая одежда, железо и сладковатая сырость места, которое годами почти не просыхало. Лаэна знала этот запах и всё равно начала дышать мельче.

Девочка сидела там же.

Кусок фанеры под ней почернел от влаги и выгнулся по краям, но она устроилась точно в том месте, где Лаэна оставила её в прошлый раз, поджав ноги к груди и прижавшись плечом к металлической стенке гаража.

На вид ей было лет десять. Брюки стали короткими или изначально были чужими — между штаниной и слишком большим ботинком виднелась тонкая голень в грязном носке. Один носок сполз и собрался складками внутри обуви, поэтому пятка касалась жёсткого края ботинка голой кожей, покрасневшей и натёртой. Тёмные волосы слиплись в тонкие пряди и закрывали лицо почти до подбородка.

Лаэна сначала посмотрела на руки.

Пальцы девочки были красными, кожа возле ногтей потрескалась, в мелких складках осталась белая меловая пыль. Один ноготь был надломлен почти до середины.

Пальцы двигались.

Она считала.

Не вслух. Губы едва заметно складывались в числа, а указательный палец каждый раз касался одной из меловых черт на воротах. Четыре вертикальные, пятая поперёк; ещё четыре и снова пятая. Старые отметки расплылись от сырости, некоторые почти исчезли под ржавыми потёками, зато поверх них лежали новые — яркие, неровные, местами проведённые по два раза.

Свободного металла возле девочки почти не осталось.

Палец дошёл до последней черты.

Губы остановились.

Лаэна ждала.

Девочка некоторое время смотрела перед собой, затем вернула руку к первой отметке.

Счёт начался заново.

Лаэна присела на корточки в нескольких шагах, не приближаясь больше. Первая поднялась у неё на ладони и посмотрела на девочку, но не издала ни звука; в мешочке тоже никто не шевельнулся.

— Эй.

Палец продолжал двигаться по меловым чертам.

Лаэна достала хлеб. После знакомства с Пепелинками от буханки осталось меньше половины, но середина всё ещё была мягкой, а под смятой бумагой держался тёплый запах корки и мякиша.

На него девочка отреагировала.

Не повернула голову и не прервала счёт, только сглотнула. Движение горла было коротким и таким заметным на тонкой шее, что Лаэна на секунду сжала хлеб сильнее.

Она отломил хороший кусок, положила на край фанеры и подвинула ближе.

— На.

Палец остановился на очередной черте.

Рука девочки медленно опустилась, нащупала хлеб и сразу притянула к груди. Движение получилось быстрым, почти испуганным, однако она не откусила ни крошки.

Счёт продолжился.

Через несколько чисел большой палец провёл по корке.

Потом ещё раз.

Девочка гладила хлеб от тёмного края к мягкому мякишу и обратно, осторожно, едва касаясь поверхности. Запах находился совсем близко от лица; один раз она снова сглотнула, потом провела языком по сухой трещине на нижней губе, но хлеб ко рту не поднесла.

Лаэна посмотрела на её запавшие щёки.

— Ешь.

Палец прошёл по корке.

— Не ему. Тебе.

Счёт оборвался.

Не надолго — только на несколько секунд, но впервые палец не вернулся сразу к следующей отметке.

Голова девочки медленно повернулась, и из-за спутанных волос показался один глаз. Он не был пустым или рассеянным. Девочка смотрела внимательно, настороженно, слишком терпеливо для ребёнка, которому предлагают еду после неизвестно скольких часов голода.

— Он придёт, — сказала она.

Голос оказался тихим и хриплым, и последние звуки пришлось почти угадывать.

Лаэна промолчала.

Девочка прижала хлеб крепче, но даже теперь не смяла мягкую середину.

— Он сказал ждать.

В мешочке у бедра едва заметно дрогнула ткань.

Первая на ладони сжалась, втянув серые края внутрь. Лаэна провела большим пальцем по её спинке и снова посмотрела на девочку.

Хотелось спросить, кто должен прийти, куда он ушёл, что обещал, почему оставил её здесь и сколько времени ребёнок уже прожил между ржавой стеной и этими меловыми чертами. Но Лаэна бывала здесь достаточно раз, чтобы понимать: вопросы не складываются в историю, если человек внутри неё сам застрял в одном-единственном месте.

— Давно?

Девочка посмотрела на ворота.

Её губы беззвучно задвигались.

Палец поднялся к меловым отметкам и некоторое время зависал над ними, переходя от одного ряда к другому. Она пыталась найти среди черт число, которое могло бы ответить на вопрос.

Не нашла.

Рука медленно опустилась.

Через секунду палец снова коснулся первой отметки.

У Лаэны неприятно стянуло под рёбрами.

Девочка не знала, сколько ждёт.

Хлеб всё ещё оставался у неё на груди. Она провела по корке большим пальцем, затем осторожно подвернула выступающий кусочек мякиша внутрь, защищая его от сырого воздуха.

— Ему оставишь?

Девочка кивнула.

Совсем немного.

Слишком большой ботинок соскользнул с пятки ещё ниже, и она машинально подтянула ногу к себе, но обувь не поправила. Всё внимание уже вернулось к меловым чертам.

Счёт начался снова.

Лаэна ещё некоторое время сидела напротив.

Проще всего было бы поднять девочку с фанеры, вынести к улице, накормить, согреть и найти человека, который сможет о ней позаботиться. Эта мысль приходила каждый раз, и каждый раз тело почти начинало действовать раньше памяти.

Она уже пробовала.

В прошлый раз Лаэна успела донести девочку до второго гаража, прежде чем та начала вырываться. Сначала молча — выкручивая руки, упираясь ботинками в землю и пытаясь развернуться обратно. Потом увидела, что место за ржавым баком исчезает из виду.

Тогда начался крик.

Девочка не звала отца, мать или кого-нибудь на помощь. Она вообще не произносила слов, только кричала одним сорванным звуком, пока тело не стало жёстким в руках Лаэны, а пальцы не начали хвататься за всё, до чего могли дотянуться.

Возле конца прохода оказалась ржавая сетка.

Девочка вцепилась в неё обеими руками.

Лаэна пыталась разжать пальцы по одному, но детские ладони держались за металл с такой силой, что ржавые края разрезали кожу. Крик стал тише только тогда, когда Лаэна поняла, что ещё немного — и придётся ломать ей пальцы.

Она отпустила.

Девочка сразу побежала обратно.

Через несколько минут снова сидела на почерневшей фанере, прижав колени к груди.

И считала с первой черты.

Сегодня Лаэна не протянула к ней руки.

— Ладно, — сказала она, поднимаясь. — Жди.

Последнее слово пришлось вытолкнуть из себя.

Девочка не посмотрела на неё. Палец уже двигался дальше по отметкам, а хлеб оставался прижатым к груди — нетронутый, сохранённый для человека, который обещал вернуться.

Лаэна отошла на несколько шагов и остановилась возле ржавого бака.

Оглядываться не хотелось.

Она всё равно оглянулась.

Маленькая фигура почти сливалась с серой стеной гаража. Издали девочка казалась ещё меньше, слишком маленькой для чужих брюк, тяжёлых ботинок и ворот, покрытых рядами счёта. Белый мякиш выделялся между грязными пальцами, а рука продолжала переходить от одной меловой черты к другой.

Первая смотрела туда же.

— Не могу, — буркнула Лаэна.

Пепелинка медленно прижалась к её пальцу.

На обычной улице мешочек ожил не сразу. Несколько кварталов Пепелинки сидели тихо; маленькая из водостока первой высунула глаза наружу, почти сразу спряталась обратно, пятнистая заняла её место, а Первая устроилась поверх тесёмки и больше не пыталась лезть на ботинок.

Лаэна тоже не торопилась говорить.

У перекрёстка она машинально подняла взгляд на часы над маленьким магазином. Круглый циферблат выглядел слишком большим для узкого фасада, стекло давно помутнело, по нижнему краю собралась грязь, но обе стрелки хорошо различались.

Без четверти девять.

Лаэна остановилась.

Вчера вечером они показывали то же время.

Она попыталась вспомнить предыдущую неделю и неожиданно поняла, что не может вызвать в памяти ни одного другого положения стрелок. Сам по себе сломанный механизм ничего не значил — город был полон вещей, которые никто не собирался чинить, — неприятным оказалось другое: Лаэна не помнила, когда эти часы вообще показывали что-нибудь кроме без четверти девять.

Секундной стрелки на циферблате не было.

Она перевела взгляд на сигнал перехода и дождалась, пока красный сменится разрешающим. Люди рядом пришли в движение, кто-то обошёл её справа, за спиной остановился автомобиль. Лаэна перешла вместе со всеми, задержалась на противоположном тротуаре и снова посмотрела на часы.

Минутная стрелка оставалась там же.

Первая коснулась её щиколотки.

Лаэна опустила глаза.

— Вижу.

Пепелинка посмотрела вверх на часы, затем снова на Лаэну и забралась ближе к краю ботинка.

Она пошла дальше.

За спиной остался магазин, над которым по-прежнему было без четверти девять.

Глава 4

Город смотрит

Улица тянулась почти без изгибов, зажата между одинаковыми пятиэтажками. Серый утренний свет лежал на фасадах ровно, без ярких пятен, и после гаражей с их сыростью, ржавчиной и девочкой на почерневшей фанере эта обычная прямота должна была успокаивать. Лаэна шла вдоль домов и снова считала шаги, не особенно вслушиваясь в числа. Сто двадцать три. Сто двадцать четыре. Сто двадцать пять.

За ней двигалась Первая. Она выбралась из мешочка ещё во дворе, пока Лаэна поправляла тесёмки, и возвращаться обратно не захотела. Теперь Пепелинка держалась чуть позади, цепляясь тонкими серыми волокнами за асфальт и подтягивая тело следом; иногда попадала в трещину, недовольно замирала, выбиралась и ускорялась, чтобы снова догнать ботинки.

Две остальные сидели в мешочке тихо. После гаражей даже пятнистая почти перестала показываться наружу, а маленькая из водостока забралась куда-то на самое дно и лишь изредка шевелила ткань возле бедра.

На сто тридцать первом шаге шорох за спиной прекратился.

Лаэна прошла ещё немного, прежде чем заметила отсутствие привычного движения, и обернулась. Первая сидела посреди тротуара, вытянув переднюю часть тела вверх. Обычно её внимание легко переходило с прохожего на лужу, со шнурка на хлеб, с хлеба на собственную тень, но сейчас маленькие чёрные глаза неподвижно смотрели куда-то поверх Лаэниного плеча.

Она проследила за взглядом.

На втором этаже ближайшего дома возле окна стоял мужчина.

Окно было без штор, поэтому комнату за ним можно было рассмотреть почти целиком: край кухонного стола, белый холодильник, подвесной шкаф с одной перекошенной дверцей.

Мужчина находился между столом и стеклом, в светлой рубашке с большим кофейным пятном на груди. На вид ему было около сорока, волосы ещё оставались примятыми после сна, один рукав был закатан выше другого.

Он смотрел на Лаэну.

Не вниз вообще и не на происходящее на улице. Его лицо было повёрнуто точно туда, где она стояла, глаза раскрыты чуть шире обычного, а губы разомкнуты, хотя по движению щёк было видно, что он не говорит.

Лаэна остановилась.

Мужчина не изменил позы.

Через несколько секунд ей стало ясно, что страннее всего не неподвижность. Человек возле окна не моргал.

Она перевела взгляд левее.

За соседним стеклом стояла женщина в халате. Волосы у неё были мокрыми, с концов стекала вода, одна капля добралась до подбородка и сорвалась вниз, но женщина не подняла руки, чтобы вытереть лицо. Просто смотрела.

Ещё через два окна обнаружился старик. Дальше — девочка в светлой пижаме, прижимающая к животу куклу за одну ногу. На верхнем этаже виднелась чья-то ладонь, плотно приложенная к стеклу.

Лаэна медленно повернула голову.

На противоположной стороне улицы тоже были люди.

Не в каждом окне, и от этого становилось только хуже. Где-то занавески оставались закрытыми, где-то комнаты пустовали, где-то на подоконниках стояли растения и банки, но слишком многие стёкла занимали неподвижные фигуры. Кто-то стоял совсем близко, касаясь лбом окна, кто-то держался в глубине комнаты, откуда различалось только бледное лицо. Один мужчина сидел на подоконнике боком, неестественно вывернув голову в сторону улицы.

Все смотрели в одну точку.

Первая наконец двинулась. Она быстро добралась до Лаэны и прижалась к внутренней стороне ботинка, спрятав большую часть тела за голенищем. Серые волокна мелко дрожали, цепляясь за ткань.

Лаэна ничего не сказала.

Она подняла глаза обратно к мужчине с пятном на рубашке и сделала один шаг.

Его взгляд переместился вместе с ней.

Женщина в халате тоже проводила её глазами.

Девочка с куклой не повернула головы — только зрачки медленно ушли в сторону.

От этого небольшого движения кожа между лопатками стянулась сильнее, чем от всех неподвижных фигур сразу.

Лаэна сделала ещё шаг.

В мешочке у бедра кто-то зашевелился, затем движение прекратилось. Первая прижалась к ботинку так плотно, что идти дальше, не задев её, стало невозможно.

Тонкий звук вырвался из маленького тела и тут же оборвался.

В тот же момент исчез утренний свет.

Не погасли фонари и не набежала туча. Серый день просто перестал существовать между одним вдохом и следующим. Дома, асфальт и деревья провалились в такую полную темноту, что Лаэна перестала видеть собственную поднятую руку, хотя секунду назад различала трещины на противоположном фасаде.

Она замерла.

Из мешочка не доносилось ни звука.

Первая цеплялась за ботинок.

Лаэна успела услышать, как где-то совсем рядом капает вода из водосточной трубы. Один раз. Второй.

На третьей капле свет вернулся.

Серое утро снова лежало на улице, машины стояли вдоль бордюров, над крышами тянулись провода.

Окна были пустыми.

Мужчина исчез из кухни. Женщины в халате не было. За стеклом, где стояла девочка, оставалась только занавеска и край кровати.

Лаэна медленно осмотрела дома с обеих сторон.

Ни одного человека.

В одном из окон на втором этаже ещё сохранялся отпечаток ладони — пять мутных пятен на стекле. Чуть выше виднелось широкое овальное пятно там, где несколько секунд назад к окну был прижат лоб.

Лаэна нагнулась и подхватила Первую.

Та не сопротивлялась и не пыталась устроиться между пальцами, как обычно. Маленькое тело сразу вцепилось в ладонь, серые волокна протиснулись между пальцами и удержались там с неожиданной силой.

Лаэна посадила её в мешочек к остальным и затянула тесёмки чуть плотнее обычного, оставив только небольшое отверстие сверху.

— Тихо.

Никто и не собирался шуметь.

Она пошла дальше.

Первые несколько десятков метров Лаэна заставляла себя сохранять прежний темп. Ноги хотели идти быстрее, мышцы спины оставались напряжёнными, а каждый боковой участок зрения настойчиво предлагал снова посмотреть на окна. Она не смотрела.

За ближайшим перекрёстком свернула во двор, прошла между двумя домами, вышла через арку на другую улицу и только там позволила себе проверить пространство позади.

Никого.

Тогда она свернула ещё раз.

Город был знакомым, но маршрут быстро потерял прямую линию. Лаэна проходила дворами, выбирала короткие арки, пересекала небольшие проезды и несколько раз меняла направление без особой причины, кроме желания не оставаться слишком долго на одной улице.

Пепелинки в мешочке по-прежнему молчали. Только через ткань передавалась мелкая дрожь, то усиливаясь, то почти исчезая.

На следующем перекрёстке не оказалось машин.

Светофор работал, но жёлтый сигнал мигал с одинаковым промежутком, не переходя ни на красный, ни на зелёный. Возле остановки стояла пустая скамейка, двери небольшого магазина напротив были закрыты металлической решёткой, и впервые за несколько минут вокруг не было окон, из которых кто-нибудь мог смотреть прямо сверху.

Лаэна остановилась возле фонарного столба и положила ладонь на холодный металл. Краска под пальцами была мокрой, возле крепления проступала ржавчина, от которой пахло железом и дождевой водой.

Она медленно вдохнула.

Потом ещё раз.

Сердце постепенно перестало толкаться под рёбрами слишком часто.

Лаэна подняла голову и увидела фигуру через дорогу.

За широкой витриной закрытого магазина одежды стояли манекены. На некоторых ещё оставались пальто и рубашки, один был раздет до пластикового светлого торса, у другого на нарисованном лице сохранилась только одна ресница.

Между ними находился человек.

Он был значительно выше остальных фигур, хотя стоял чуть в глубине магазина. Длинное тёмное пальто почти касалось пола, руки висели вдоль тела, а голова была слегка наклонена в сторону.

Лаэна сначала решила, что перед ней ещё один манекен.

Потом фигура медленно выпрямила голову.

Мешочек у бедра дёрнулся.

Лаэна осталась на месте.

Расстояние между ними было достаточно большим, чтобы лицо внутри магазина не удавалось рассмотреть подробно, однако на нём отсутствовало то, что должно было различаться даже издали. Ни тёмных глазниц, ни линии рта, ни выступа носа.

Только ровная серая поверхность.

Она сделала шаг ближе к краю тротуара.

Серая кожа на лице фигуры едва заметно двигалась. Не меняла выражение — выражения там не было, — а собиралась мелкими складками, разглаживалась, затем снова медленно натягивалась на что-то находящееся под ней.

Окружающие манекены оставались неподвижными.

Фигура подняла руку.

Движение было медленным и неправильным не из-за скорости, а из-за последовательности: сначала поднялось плечо, потом отдельно согнулся локоть, только после этого кисть повернулась к стеклу.

Ладонь легла на витрину изнутри.

Пять пальцев оказались слишком длинными для человеческой руки. На их концах не было заметно ногтей, а кожа выглядела серой, покрытой мелкими более тёмными точками.

В мешочке всё сразу пришло в движение.

Не привычная возня и не борьба за место возле отверстия. Три маленьких тела одновременно попытались забраться глубже, ткань судорожно натянулась у Лаэниного бедра, а Первая издала один резкий звук, после которого остальные замерли.

На сером лице появилась тонкая щель.

Она возникла там, где должен был находиться рот, медленно растянулась на несколько сантиметров и остановилась. Лаэна не услышала голоса, однако губ там и не требовалось: щель дважды изменила форму, и смысл движения оказался понятен раньше, чем она успела решить, хочет ли его понимать.

Не одна.

Рука на стекле раздвинула пальцы.

Лаэна отступила.

Фигура наклонила голову.

Этого хватило.

Она развернулась и быстро пошла к ближайшей арке, но уже через несколько шагов услышала за спиной сухой удар по стеклу.

Один.

Затем второй.

Лаэна побежала.

Она влетела в арку, едва не поскользнулась на влажной плитке, пересекла двор и вышла через проход между домами в узкий переулок. Воздух быстро стал холодным и жёстким в горле, ремень мешочка бил по бедру, а под рёбрами появилась тупая боль, которая усиливалась с каждым вдохом.

Лаэна не оглядывалась.

Остановилась только тогда, когда ноги сами начали сбавлять темп. Во дворе, куда она выбежала, стояли два старых дома, детская площадка с мокрой горкой и ряд пустых бельевых верёвок. Ни витрины, ни магазина отсюда видно не было.

Она согнулась, оперев ладони в колени, и дождалась, пока дыхание станет хотя бы немного ровнее. Сердце ещё билось высоко, почти в горле, а во рту чувствовался металлический привкус.

Мешочек дрожал.

Лаэна выпрямилась, отвязала его и осторожно раскрыла сверху.

Три Пепелинки сбились в один плотный серый комок. Маленькая из водостока находилась почти под остальными, пятнистая прижалась к стенке мешка светлым боком, а Первая лежала сверху и смотрела на Лаэну широко открытыми глазами.

— Живы.

Первая медленно вытянула край тела и коснулась её пальца.

Лаэна провела по серым волокнам большим пальцем.

— Я тоже.

Этого, похоже, оказалось достаточно. Маленькая из водостока наконец пошевелилась, пятнистая развернулась внутри, а Первая не отпустила палец ещё несколько секунд.

Лаэна снова повесила мешочек на пояс, но ладонь оставила сверху.

Город вокруг выглядел обычным. Где-то закрыли дверь подъезда, вдалеке проехала машина, с крыши капала вода. После нескольких минут тишины эти звуки постепенно вернули двору привычный размер, хотя Лаэна больше не воспринимала пустые окна как отсутствие людей.

— Идём.

Она двинулась медленнее.

Теперь возле витрин Лаэна не смотрела прямо внутрь, а Пепелинки сами предупреждали о тех местах, которые им не нравились. Они почти не издавали звуков: иногда Первая поднималась возле края мешочка, пятнистая резко уходила внутрь, или ткань под ладонью на несколько секунд становилась напряжённой.

Так произошло возле небольшого закрытого помещения на первом этаже старого дома.

Витрина была тёмной, за стеклом виднелись пустые полки и перевернутый стул. Лаэна уже прошла мимо, когда под ладонью все три Пепелинки одновременно замерли.

Она остановилась.

На стекле, примерно на уровне её глаз, в толстом слое серой пыли тянулась одна длинная линия.

Лаэна приблизилась на полшага.

След был проведён снаружи.

Кто-то коснулся стекла пальцем и медленно протянул его слева направо, оставив по краям узкие валики пыли.

С нижнего края линии ещё осыпались мелкие серые крупинки.

Лаэна не стала проверять, кто стоял рядом секунду назад.

Глава 5

Ключ

Дверь подъезда тяжело закрылась за спиной, отрезав улицу вместе с серым светом, пустыми окнами и витриной, возле которой совсем недавно осыпалась потревоженная пыль. Лаэна осталась на площадке, положив ладонь на холодную стену. Сердце ещё билось слишком быстро, дыхание никак не хотело возвращаться к обычному ритму, а под пальцами ощущались крупинки отсыревшей штукатурки.

Она постояла так несколько секунд, затем начала подниматься.

Пятнадцать ступеней до первой площадки. Ещё двенадцать. Потом ещё двенадцать.

Лаэна считала их каждый раз, хотя давно знала количество без проверки. Здесь числа не требовали смотреть на часы, окна или вывески; ступень оставалась ступенью, пока подошва чувствовала её край, и этого сегодня было достаточно.

Пепелинки в мешочке тоже затихли. После улицы они почти не двигались, только изредка ткань у бедра чуть нагревалась сильнее, когда кто-нибудь из троих менял положение.

Подъезд пах сыростью, кошачьей шерстью и старой побелкой. На первом этаже лампочка за мутным плафоном включалась через раз, поэтому лестница то появлялась целиком, то снова проваливалась в полумрак. Короткие вспышки выхватывали чугунную батарею с облупившейся краской, почтовые ящики с погнутыми дверцами, тёмные следы обуви на полу и чей-то одинокий носок, давно утративший всякую надежду найти пару.

Лаэна переступила через него и поднялась выше.

Её дверь была третьей слева. Старая краска возле ручки истёрлась до дерева, нижний угол слегка разбух от сырости, а сама ручка снова начинала поскрипывать, хотя Лаэна меняла её уже дважды.

Она достала связку ключей.

На кольце висели два. Нижний замок открывался обычным плоским ключом, зубцы которого со временем стали почти гладкими по краям. Второй был длиннее, с круглой головкой; его приходилось вставлять до конца и только потом медленно поворачивать, иначе механизм цеплялся внутри и начинал сопротивляться.

Первый замок щёлкнул сухо и слишком громко для пустой лестничной клетки. Второй поддался мягче — Лаэна регулярно смазывала его, потому что мысль однажды остаться снаружи перед собственной дверью раздражала её куда сильнее, чем должна была.

Она вошла, закрыла дверь и повернула оба замка обратно. Потом накинула цепочку, дёрнула ручку и только после этого сняла мешочек с пояса.

Проверила ещё раз.

Нижний заперт.

Верхний тоже.

Цепочка держит.

В квартире стоял знакомый прохладный запах. Пыль на книгах, дерево старого шкафа, сухая ткань штор, немного железа от батарей и вчерашний чай, чашка из-под которого осталась возле раковины. Ничего особенного, ничего, что требовало внимания. Именно этим квартира и была хороша: здесь вещи обычно соглашались оставаться там, куда их положили.

Лаэна прошла в комнату, не включая свет. Серого утра за окном хватало, чтобы различать стол, кровать, шкаф и стул с брошенным на спинку свитером.

Пепелинки выбрались из мешочка не сразу.

Первая появилась первой, зацепилась за край и спустилась по ткани на пол. Она несколько секунд сидела возле Лаэниного ботинка, проверяя комнату, потом заметила батарею и направилась туда с такой решимостью, что на полпути дважды завалилась на бок.

Маленькая из водостока высунулась следом, но уходить далеко не стала. Она забралась под стул, откуда наружу остались видны только два чёрных глаза.

Пятнистая выбралась последней. Та обошла ножку стола, коснулась серыми волокнами ковра и остановилась возле края, разглядывая его так внимательно, как другие существа изучают незнакомую воду.

Первая добралась до батареи, прижалась к тёплому металлу всей боковой поверхностью и почти сразу прикрыла глаза.

— Осваивайтесь.

Лаэна подошла к окну.

Во дворе никого не было. Мокрая горка темнела возле песочницы, две скамейки стояли под деревьями, а качели слегка двигались на цепях.

Ветра почти не чувствовалось.

Лаэна задержала на качелях взгляд.

Одна сидущка медленно ушла вперёд, вернулась, затем снова качнулась. Вторая оставалась неподвижной.

Она подождала ещё немного.

Движение постепенно стало слабее и прекратилось.

Лаэна отошла от окна.

Письменный стол стоял у стены уже столько лет, что его тёмное дерево местами посветлело от ладоней. Зелёное сукно на столешнице протёрлось возле края, в одном месте расходилось тонкой дырой, а под ним проступало старое чернильное пятно.

Нижний ящик открывался плохо. Лаэна взялась за ручку, потянула сильнее, и дерево сначала сопротивлялось, затем с низким скрипом вышло из пазов.

Внутри лежали бумаги.

Старые квитанции, несколько писем без конвертов, тонкая тетрадь с оборванным углом. Поверх них — три вещи, которые Лаэна никогда не перекладывала в другое место.

Ключ.

Цирковой билет.

Фотография.

Она сначала взяла ключ.

Он был тяжелее тех, которыми Лаэна только что открывала квартиру. Металл давно потемнел и местами отдавал холодной синевой, на круглой головке сохранились мелкие вмятины, а одно ребро было отполировано сильнее остальных — кто-то когда-то часто держал его именно там.

Зубцы выглядели почти целыми.

Лаэна провела большим пальцем по краю.

Холод быстро перешёл в кожу.

Рядом лежал старый билет в цирк. Плотный картон пожелтел, красная краска выцвела до бурого, контрольный край был надорван, но не оторван полностью. Несколько букв ещё можно было прочитать, остальные исчезли в местах сгиба.

Под билетом находилась фотография.

Лаэна достала её двумя пальцами и положила на сукно.

На снимке она была моложе. Волосы короче, плащ другой, на лице ещё не было той привычки держать губы чуть напряжёнными, которая появилась позднее. Рядом стоял человек, почти касаясь её плечом.

Тело сохранилось на фотографии нормально.

Плечо. Тёмная одежда. Часть руки возле локтя.

Лица не было.

На его месте осталось бледное пятно неправильной формы, не похожее ни на повреждение бумаги, ни на засветку. Поверхность фотографии там была гладкой, глянцевой, такой же целой, как вокруг. Только изображение заканчивалось возле шеи и продолжалось снова за головой.

Лаэна поднесла снимок ближе.

Иногда ей казалось, что в белом пятне проступает что-нибудь знакомое — линия скулы, тень возле глаз, край улыбки. Сегодня там не было ничего.

Она положила фотографию обратно.

Ключ всё ещё лежал в другой руке.

— Значит, здесь.

Пальцы сомкнулись вокруг металла.

Она сама не знала, говорила о ключе или о человеке на фотографии.

За спиной скрипнула кровать.

Лаэна замерла.

Звук был коротким и совершенно обычным: так прогибаются старые пружины, когда на край матраса переносится вес.

Первая возле батареи открыла глаза.

Маленькая из-под стула втянулась глубже в тень.

Пятнистая перестала исследовать ковёр.

Лаэна не двигалась, прислушиваясь.

Кровать стояла в двух шагах за спиной.

Через несколько секунд пружины скрипнули снова.

На этот раз к звуку добавилось тихое трение ткани.

Кто-то или что-то сместилось на матрасе.

Лаэна медленно положила фотографию на стол и повернулась.

На кровати никого не было.

Покрывало, которое утром оставалось натянутым почти ровно, теперь провисало возле края. В ткани появилась широкая неглубокая впадина, начинавшаяся там, где человек обычно садится, а нижний край покрывала был сдвинут внутрь на несколько сантиметров.

Лаэна смотрела на неё.

Матрас ещё оставался продавленным.

Потом начал подниматься.

Очень медленно.

Сначала расправился край, затем исчезла глубокая складка в центре, пружины тихо отозвались внутри и наконец замолчали.

Покрывало осталось смятым.

Никто не уходил к двери.

Пол не скрипел.

В комнате ничего не двигалось.

Первая отлепилась от батареи и приблизилась к Лаэне, но на этот раз не полезла на ботинок. Она остановилась рядом, вытянувшись в сторону кровати.

Лаэна опустила на неё взгляд.

— Вижу.

Пепелинка не отреагировала.

Все трое продолжали смотреть на матрас.

Лаэна тоже смотрела ещё несколько секунд, затем перевела взгляд на ключ в руке.

Металл оставался холодным.

Только ладонь вокруг него стала влажной.

Она разжала пальцы и заметила на коже глубокий след от головки.

Ящик всё ещё был открыт.

Можно было положить ключ обратно, закрыть дерево до следующего раза и заняться чем-нибудь нормальным: поставить чайник, разобрать хлеб, вытряхнуть из плаща сухую траву.

Вместо этого Лаэна подошла к окну.

Качели снова двигались.

Теперь обе.

Они раскачивались не одновременно. Левая уходила вперёд, пока правая возвращалась назад, и цепи по очереди издавали негромкий металлический скрип.

Рядом с ними стоял ребёнок.

Лаэна сначала увидела слишком большие ботинки.

Потом грязные брюки, тонкие ноги и спутанные тёмные волосы.
Девочка из гаражей держала что-то возле груди обеими руками.
Кусок хлеба.
Лаэна подошла ближе к стеклу.
Девочка подняла лицо.
Расстояние между третьим этажом и двором не позволяло различить выражение глаз, но губы двигались быстро и непрерывно.
Считала.
Палец одной руки поднялся от хлеба и коснулся воздуха перед собой.
Один раз.
Потом ещё.
На месте невидимых отметок.
Лаэна так резко отступила от окна, что плечом задела край шкафа.
Пятнистая метнулась под стол. Маленькая из водостока исчезла рядом с ней, а Первая приподнялась на полу, не понимая, куда смотреть сначала.
Лаэна осталась возле стены.
В руке по-прежнему был ключ.
Она выждала несколько секунд, затем снова подошла к окну — уже сбоку, не становясь прямо перед стеклом.
Двор оказался пуст.
Рядом с качелями никого не было.
Мокрый асфальт темнел ровным пятном, возле песочницы лежала ветка, а сидухи продолжали двигаться, постепенно теряя размах.
Лаэна провела взглядом по дорожке к подъезду.
Никого.
Потом посмотрела на дверь комнаты, оттуда — в прихожую.
Два замка.
Цепочка.
Всё оставалось закрытым.
Первая осторожно подобралась ближе и коснулась серым краем её щиколотки.
Лаэна опустила руку и подставила пальцы. Пепелинка сразу вцепилась в них и подтянулась на ладонь, но две остальные пока не вышли из-под стола.
— Я здесь.
Фраза предназначалась неизвестно кому из них.
Может быть, всем троим.
Лаэна вернулась к столу.
Билет лежал поверх фотографии, закрывая часть её собственного лица. Белое пятно второго человека оставалось видимым.
Она поправила снимок.
Потом закрыла ящик.
Ключ внутрь не положила.
Несколько секунд Лаэна держала его над столом, ощущая непривычный вес, после чего убрала в карман плаща.
Там металл тихо ударился о связку домашних ключей.
Звук получился коротким.
Три ключа вместо двух.
Лаэна прислушалась к нему и застегнула карман.
На этот раз ключ остался у неё.

Глава 6

Письма

Лаэна ещё некоторое время стояла возле окна, наблюдая за пустым двором. Качели постепенно теряли размах, цепи звенели всё реже, пока одна сидушка не остановилась, затем следом замерла вторая. Под ними оставался только мокрый асфальт, тёмный после недавнего дождя, и ветка, прилипшая к краю песочницы.

Она отошла от стекла только тогда, когда перестала ждать, что девочка появится снова.

Ключ Лаэна достала из кармана и положила на стол, не возвращая в ящик. Металл тихо коснулся зелёного сукна и остался рядом с её рукой, слишком тяжёлый и тёмный среди старых бумаг. Несколько секунд Лаэна смотрела на него, затем подвинула сверху пустой лист, закрыв только часть головки. Этого оказалось достаточно, чтобы перестать встречаться с ним взглядом каждый раз, когда она проходила мимо.

Билет и фотография вернулись в нижний ящик.

Пепелинки тем временем понемногу осваивали квартиру. Первая снова заняла батарею, но теперь не лежала на ней целиком, а устроилась у края и время от времени поднимала голову на звуки с лестничной клетки. Маленькая из водостока выбралась из-под стула и нашла место между стеной и ножкой шкафа, откуда могла наблюдать за всей комнатой, оставаясь почти незаметной. Пятнистая забралась на стул возле стола и сосредоточенно исследовала потрескавшийся лак, цепляя его серыми волокнами и каждый раз удивляясь, когда от поверхности отделялась новая чешуйка.

Лаэна поймала себя на том, что уже различает их по движению, даже не глядя. Первая действовала сразу и обычно считала, что мир обязан уступить; маленькая долго проверяла всё незнакомое и предпочитала иметь рядом место, куда можно спрятаться; пятнистая способна была десять минут изучать одну пуговицу, если та казалась достаточно подозрительной.

Квартира больше не была тихой. Где-то царапались о дерево волокна, шуршала ткань, иногда по полу проходило мягкое движение маленького тела. Звуков было совсем немного, однако их хватало, чтобы пространство перестало ждать Лаэну в полном молчании.

Пятнистая подняла на неё глаза.

— Не смотри.

Она отвернулась к краю стола, но через несколько секунд снова посмотрела.

Лаэна хмыкнула и ушла на кухню.

Кухня была тесной, с низким потолком и старой плитой возле окна. В шкафах пахло крупой, сухими травами и металлическими крышками от банок, которые Лаэна зачем-то продолжала хранить, хотя давно не помнила зачем. Над мойкой по кафелю тянулись жёлтые следы старой протечки; вода когда-то выбирала один и тот же путь неделями, оставив после себя разветвлённые линии, похожие на плохо нарисованную карту.

Лаэна поставила чайник.

Пятнистая появилась в дверях почти сразу. Она остановилась на пороге, долго смотрела на плиту, потом приблизилась к Лаэне и устроилась возле её ботинка, плотно прислонившись тёплым боком к коже.

Лаэна опустила руку. Серые волокна под пальцами дрогнули и разошлись, открывая более тёмный мягкий слой. Пепелинка не пряталась и не требовала продолжения, как Первая, а просто оставалась рядом, позволяя ладони лежать на себе.

Лаэна не знала, почему они пошли за ней. Наверное, можно было придумать удобное объяснение — петля, обугленная рука, запах хлеба, случайность. Ни одно не объясняло, почему маленькая из водостока высовывала глаза из мешочка, проверяя, рядом ли она, а Первая после испуга на пустыре полезла именно к ней под плащ.

Чайник начал шуметь.

Лаэна убрала руку.

— Не привыкайте.

Пятнистая осталась возле ноги.

— Я серьёзно.

Та прикрыла глаза.

Вода закипела, и Лаэна заварила крепкий чай, после чего вернулась с кружкой к столу. От напитка поднимался пар, горький запах смешивался с сухим запахом бумаги и старого дерева. Она сделала слишком большой глоток, обожгла язык и поморщилась.

Тепло медленно спустилось по горлу.

На несколько секунд комната исчезла.

Сначала пришёл запах: опилки, сладкая вата, нагретый металл и что-то резкое, похожее на бензин или машинное масло. Потом появился гул голосов, собранных под высоким куполом. Люди смеялись, где-то хлопали ладонями, оркестр играл слишком громко, и сквозь всё это чья-то рука удерживала маленькие пальцы Лаэны.

Большая ладонь. Тёплая. Она помнила давление большого пальца поверх своего, рукав рядом и то, как в какой-то момент подняла голову.

Лица память не дала.

Только светлое место над воротником.

Гул изменился, и теперь рядом была дверь. Ручка находилась слишком высоко; Лаэна тянулась к ней, вставала на носки, ударяла ладонью по дереву, но с другой стороны никто не отвечал.

Она звала.

Слов память не сохранила. Осталось только ощущение, что голос уже болит, а дверь всё ещё закрыта.

Затем пришёл жар.

Он возник сразу со всех сторон, хотя память не показывала огня. Горячий металл, резкий запах палёной ткани и боль вошли в правую руку сначала возле пальцев, потом поднялись к запястью и предплечью. Лаэна снова тянулась к ручке, которая не двигалась, хотя кожа на ладони уже почти не слушалась.

Кружка стукнула о стол.

Лаэна открыла глаза.

Чай расплескался на сукно тонкой тёмной полосой. Пятнистая находилась возле её ноги, Первая успела перебраться от батареи к столу, а маленькая из водостока сидела в дверях кухни. Все трое смотрели на неё.

Лаэна медленно распрямила правую руку. Обугленная кожа стягивала кисть и предплечье до локтя, между старыми рубцами оставались глубокие неровные борозды, в которых кожа при движении натягивалась сильнее. Она провела большим пальцем здоровой руки возле запястья и задержалась там на мгновение.

Боль давно закончилась, но память продолжала возвращать её целиком.

Лаэна убрала руку под рукав и встала. Пятнистая отодвинулась, освобождая дорогу.

Она вытерла чай, поставила кружку в раковину и вернулась к столу. Из-под листа выглядывал край тёмного ключа, и Лаэна несколько секунд смотрела на него, прежде чем снять бумагу и убрать ключ обратно в карман плаща — не в ящик, где он пролежал столько лет.

Первая первой добралась до холщового мешочка, пока Лаэна застёгивала одежду. Маленькая из водостока залезла следом, пятнистая некоторое время стояла возле входа, оглядывая комнату, а потом всё-таки перевалилась через край.

— Все?

Изнутри пошевелилась ткань.

— Убедительно.

Лаэна вышла из квартиры, заперла оба замка и дважды проверила ручку. Цепочка осталась висеть с внутренней стороны двери — единственная часть привычного ритуала, которую невозможно было выполнить снаружи, и по этой причине она каждый раз ещё несколько секунд смотрела на дверь после того, как замки уже были закрыты.

Потом спустилась.

На улице стало холоднее. После утренней сырости воздух прояснился, между домами впервые за день показался участок чистого неба — бледно-голубой, почти прозрачный.

Лаэна задержалась на ступеньках.

Небо выглядело нормальным, и это почему-то не успокаивало.

Она прошла несколько кварталов, не выбирая направления заранее. Город жил своим обычным дневным движением: у магазина разгружали ящики, женщина вытряхивала коврик с балкона, на остановке спорили двое мужчин. После утренних пустых окон каждый прохожий казался почти вызывающе живым.

Дверь Лаэна заметила не сразу.

Она стояла в узкой нише между двумя домами, где обычно находились мусорные контейнеры. Сегодня ниша была пуста: ни баков, ни мокрых картонных коробок, ни привычного чёрного следа на асфальте.

Только дверь.

Тёмно-зелёная, недавно покрашенная, с латунной ручкой, на которой не было ни пятна, ни отпечатка. Штукатурка вокруг осыпалась, кирпич возле пола был покрыт плесенью, а зелёная краска оставалась гладкой и свежей; даже петли выглядели новыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.